

Василий Иванович Немирович- Данченко

Вызов Хатхуа

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#2)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья сыть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Вызов Хатхуа**

Весть, посланная Амедом князю Хатхуа, не пропала даром.

На другой день к крепости издали подъехала группа блестящих всадников. Комендант хотел было брызнуть в них картечью, — да разглядел джигита с белым лоскутом, привязанным к дулу его ружья... Это был глашатай. Позади, окружённый пышно одетыми наибами и несколькими из наиболее известных мюридов, ехал сам кабардинский князь... Сегодня весь убор его коня лучился серебром и золотом. Сам он был точно в ризе, — так на нём сверкало золото патронов, драгоценная оправка пояса, кинжала, пистолетов и шашки. Рубинами и яхонтами горели их рукояти; несмотря на жаркий день, белая, отороченная позументом бурка была откинута назад, и красная папаха, отодвинутая на затылок, оставляла открытым его молодое и смелое лицо... Он разглядел Нину на стенах. Она вышла подышать воздухом, — он снял папаху, обдав её опять пламенным взглядом своих соколиных глаз. Только теперь девушка уже не вспыхнула, а спокойно глядела на него...

— Что вам надо? — спросил Мехтулин по-

лезгински у глашатая.

— Кабардинский князь Хатхуа шлёт привет коменданту крепости.

— Если вы приехали за этим, то можете убираться назад. У нас достаточно запасено картечи в орудиях...

— Нет, не за этим только... У вас служит сын Курбан-Аги из Елисуя — Амед... Знаешь ли ты его?

— Я думаю, что и вы его знаете, — он мой брат названный, — и Мехтулин гордо закинул шапку назад. — И вам мудрено его не знать... Не он ли прорвался через ваши отряды и отнял лошадь у Хатхуа, не он ли отбил стадо у дидойцев?.. Ты, может быть, и сейчас слышишь, как бараны их блеют у нас во дворах... прекрасные, жирные бараны. Такие курдюки у всех, что в плов мы льём сало, не жалея... Не он ли участвовал в уничтожении ваших пушек и потом отнял любимого коня великого имама. Он мог и убить Шамиля, потому что был близко от него, — но не хотел поднять руки на первосвященника...

— Да, да, — мы слышали о его подвигах... Мы любим храбрых, где бы они не были... Так

вот, князь Хатхуа — его дядя, свидетельствует ему привет и благоволение... И шлёт ему, простому елисуйскому беку, — по старому кабардинскому адату, вызов на суд Аллаха... Он будет ждать Амеда, сына Курбана-Аги — до заката солнца здесь, и ежели не явится, то Хатхуа и на вершинах гор, и внизу в ущельях объявит его лишённым чести...

И, по обычаю, глашатай вынул предварительно надпиленный кинжал, сломал его, нижнюю половину оставил у себя, а верхнюю, ручкою вперёд, швырнул по направлению к крепости...

Мехтулин живо перевёл всё Брызгалову.

— Я, кажется, их своим судом, а не судом Аллаха — разгоню картечью... Оружие! — крикнул он.

— Не делайте этого! — крикнул Мехтулин.

— Почему? Что ж я позволю этому голову-резу убить Амеда?

— Ради Аллаха, не делайте этого... Тогда Амед будет обещен перед всеми народами гор... Он не переживёт этого... Он зарежется сегодня же ночью... Позвольте мне пойти к Амеду и рассказать ему обо всём.

Брызгалов махнул рукою и пошёл прочь. Мехтулин понял это безмолвное разрешение и бросился вниз, но по площади бежал уже ему навстречу молодой елисуец. Татарин-юнкер наскоро передал ему, в чём дело. Не заметив Нины, весь разгоревшийся, Амед как дикий тур вскочил на бастион и звонко крикнул:

— Моему славному дяде, храброму князю Хатхуа — привет!

И снял папаху. Хатхуа как старший только дотронулся до своей. Амед продолжал стоять без папахи. Ветер шевелил его кудрями. Он был необыкновенно красив в эту минуту. Тонкий, широкоплечий, высокий, с большими, пламенными глазами и худощавым, нервным лицом — он казался образцом горной красоты.

— Чести нашего рода — почтение!.. Мне передали твой вызов... Я не говорю с жалким наёмником — глашатаем... Не с ним я встречу на суде Аллаха, а с тобою, и посему свидетельствую тебе, что между нами накопилось слишком много обид с обеих сторон. Ребёнком я видел мать свою плачущею, вслед-

ствие твоего пренебрежения... Взрослый, я слышал, как ты всюду, где только мог, оскорблял моего отца... Я благодарен тебе за вызов!.. Буду драться с тобою до смерти, и да даст пророк победу — правому.

— Да будет он славен в небесах! — ответил установленной формулой Хатхуа. — Приготовился ли ты, юноша?

— Мне нечего готовиться для встречи с тобою. Землёю, водою, огнём и воздушными силами клянусь, что принимаю твой вызов. погоди немного. Мне надо одеться, чтобы достойно встретить тебя...

Хатхуа оглянулся и сказал что-то наибам и мюридам. Те отъехали далеко. Перед крепостью остался один кабардинский князь. Он гордо сидел в седле, ожидая противника. Нина, бледная, плохо понимала в чём дело, она только знала одно: Амеду грозит опасность. Не прошло и нескольких минут, как Амед опять показался перед ней. Но это уже не был скромный елисуйский юноша. Глаза его жгли внутренним огнём. Нахмуренные брови сдвинулись и придавали суровость его сухому лицу, орлиный нос, казалось, вздрагивал нозд-

рями, точно надышаться хотел прохладой... На нём была щёгольская белая, шитая золотом черкеска; патроны, отделанные чернью и бирюзой, на золотых цепочках прикреплялись к бриллиантовым пряжкам. Оружие в серебре так и сияло, за поясом были пистолеты, отнятые вчера у Аслана. Внизу Мехтулин держал его коня.

— Я пришёл к тебе, может быть, перед смертью... Перекрести меня, как ты крестишь своих!

— Послушай, Амед!.. Помни, что я скажу... В минуту смертной опасности вспомни Христа Иисуса...

— Прощай, девушка, — враг меня ждёт! Он не должен говорить, что я не спешу ему навстречу...

Амед сбежал вниз. С ним были Мехтулин и Кнаус. Кнаус вспомнил всех своих предков, тевтонских рыцарей, закрутил белобрысые усы вверх и таким ферттом сел в седло, что Левченко только улыбался себе в усы. Медленно растворились крепостные ворота и выпустили елисуйца с его провожатыми...

Он быстро подъехал к Хатхуа и подал ему

руку... Во взгляде князя он прочёл суровое благоволение.

— Ты похож на сестру! — проговорил тот, всматриваясь в него. — Ты храбрый юноша... Мне жаль, что ты не с нами.

— Храбрость, князь, в роду у нас. В Елисуе и рабы храбры! Я рад увидеть тебя лицом к лицу... Сердце моё всегда горело, когда произносили твоё имя... Душа моя могла быть исполнена сладостью любви к тебе. Ты сам отравил её ядом ненависти...

Хатхуа любовался ловкостью и изяществом его движений, посадкою, манерою говорить. Он заметил на его груди солдатский георгиевский крест и нахмурился... Но скоро лоб его разгладился... Он опустил голову на руки и прочёл молитву; тоже сделал и Амед. Они ещё раз пожали руки друг другу — обычай, заимствованный горцами у русских — и разъехались в разные стороны. Хатхуа — к двум красным наибам, ждавшим его направо, Амед — к Кнаусу и Мехтулину.

— Ну, Амед! Если он убьёт тебя, я твой мститель! — сказал Мехтулин.

Кнаус только пожал ему руку...

Амед медленно двинулся навстречу Хатхуа... Они три раза должны были так проехать один мимо другого, меряя друг друга глазами и не опуская их под взглядами противника. Даже кони их исполнились ненависти. Тот, который был под князем, норовил схватить зубами Амедова. Хатхуа тронул своего нагайкой, и он успокоился. Ещё два раза они проехали один мимо другого, — не отрывая глаз от глаз врага, — и вдруг, отделившись в разные стороны, мгновенно повернули коней и с криком: «Аллах, Аллах, Аллах!» — ринулись один на другого. Кони их столкнулись мордами. Из рта у того, на котором сидел елисуец, хлынула кровь. Хатхуа выстрелил и сорвал папаху с Амеда, — выстрел того пролетел мимо. Оба выхватили кинжалы, но было поздно, — кони их унеслись в разные стороны. Опять оба повернули их и с тем же криком: «Аллах, Аллах!» ринулись в роковую встречу. Амед заметил в самый последний момент, что в руках у Хатхуа не кинжал, а широкая кабардинская шашка. Он мгновенно отпрянул в сторону, и лезвие противника, прозвенев, рассекло кованную

серебром луку Амедова седла. Опять лошади их разъединились... Амед выхватил свою шашку, но рука его вдруг скользнула по её рукоятке, и перед самым столкновением с Хатхуа шашка, точно кто-нибудь ударил по ней, вылетела вон. Мгновенно — Амед почувствовал себя безоружным, и тотчас же в ушах его прозвучал голос девушки: «В смертельной опасности вспомни Христа Иисуса!» Елисуец уже не помнил, когда он успел проговорить: «Исса! Дай мне победу, спаси меня, и я уверую и поклонюсь Тебе!» И, сам не зная зачем, он употребил нежданно для Хатхуа ловкий горский приём, перевернувшись головой под брюхо своего коня. Оружие Хатхуа вонзилось глубоко в седло его, так глубоко, что ранило лошадь в хребет, и та взвилась. Этим моментом воспользовался юноша и с ловкостью пантеры уцепился за подпругу лошади Хатхуа. Когда раненый конь унёсся вперёд — Амеда на нём не было. Хатхуа, думая, что его враг там, хотел повернуть за ним, но его племянник в это время с дьявольскою ловкостью и силой схватил его за ногу, — и когда князь очнулся, руки Амеда сжимали его горло, а но-

ги перевили его стан.

— Ты мой теперь! — хрипел елисуец с налившимися кровью глазами. — Ты мой теперь!.. Скажи! Ведь, ты бы убил меня?..

— Рази скорей!.. Не тешься, мальчишка!.. Аллах дал тебе победу, не оскорбляй меня твоими словами; бери кинжал и бей в сердце, если у тебя осталась честь.

— Аллах... Нет, не Аллах... Не Аллах...

И вдруг, точно из бесконечной дали, в ушах елисуйца прозвучал нежный, кроткий голос Нины... Он вспомнил, что она тогда рассказывала ему про Иссу. «Исса одним движением руки мог уничтожить мир, а Он тихо терпел поношения, обиды, побои»... Руки его ещё давили Хатхуа, а в голове у юноши звучали последние слова Нины: «Он с креста прощал Своих врагов и приказал всем прощать... Он дал тебе победу сегодня, — ты ведь к Нему обратился... Он тебе, слабому юноше, бросил в руки лучшего витязя Чечни и Дагестана, — неужели ты забудешь Иссу?..» И вдруг, совсем неожиданно, позади Хатхуа прозвучал нервный, вздрагивавший голос Амеда:

— Слушай, дядя, что я скажу тебе!.. Ты —

брат моей матери... Я — твой племянник. Ты знаешь, я не трус, и победа в моих руках... Я мог бы убить тебя, и все в горах сказали бы, что я поступил хорошо, но... Я не хочу этого... Душа моя полна любви к тебе в эту минуту.

Он разжал руки.

— Бери свой кинжал и рази меня, если хочешь... Моя рука не подымится на тебя. Прости мне обиды и забудь!..

Хатхуа круто обернулся в седле... Амед соскочил вниз и стоял перед ним.

— Послушай, Амед... Я не в долгу у тебя за жизнь, которую ты дал мне сейчас...

— Почему?

— Ты заплатил за отца... Полтора месяца назад я встретился с ним над безднами Шайтан-Булаха и пощадил его так же, как ты меня сегодня. Прощай, будь счастлив!.. Скажи матери, — когда кончится война, я приеду к ней с роднёй и дарами. Тогда я буду рад встретиться с тобой... Прощай и будь счастлив!..

Амед поймал своего раненого коня и вскочил в седло.

— Исса! Исса! Так ли я поступил, как Ты велел?.. Доволен ли ты мною, Бог Нины и... и... и

мой Бог?..

— Зачем ты не убил его? — накинулся на него Мехтулин.

— Довольно того, что он был в моих руках, и я мог убить его! — и он таким светлым взглядом обдал Мехтулина, что татарин, не понимавший такого великодушия, потупился.

— Вы поступили как рыцарь! Я вас и почитаю за такового, — торжественно приветствовал его Кнаус.

Нину Амед застал у неё... У девушки не было сил во время боя оставаться на башне.

— Вы убили его... Вы живы, не ранены? — кинулась девушка к Амеду.

— Нет... Не убил... Ты говорила: «Христос одним движением руки мог истребить мир и терпел»...

Слёзы брызнули из глаз девушки.

— Твой Бог — мой Бог... Ты христианка, — и я хочу быть, ради тебя, христианином... — звучало в её ушах.